

II.

ИСТОРІЯ.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ.

Ямбургъ. Нарва. Гдовъ. Псковъ. Изборскъ.
Печоры. Псковская губернія. Рига. Ливонія.

..... Въ скукъ, еще не разсѣявшейся, проѣхалъ я Стрѣльну, пустынную Кипень, ничѣмъ не примѣчательныя Касково и Чирковицы. Все пространство отъ Чирковицъ до Ополя довольно пріятно по мѣстоположенію и видамъ; но отъ Ополя до Ямбурга все хуже и хуже, чѣмъ ближе къ послѣднему; окрестности Ямбурга наводятъ уныніе на душу: болота, кустарникъ и грунтъ бесплодный — вотъ что представляется взорамъ проѣзжающаго.

Ямбургъ, древняя руина, напоминающая удалство и борьбу Новгородцевъ съ разными чуже-

земцами на землѣ этого города, но болѣе памятенъ именемъ знаменитаго любимца Петрова, великаго въ несчастіяхъ, болѣе нежели на верху своего могущества, исполина и въ самыхъ преступныхъ порывахъ. Ямбургъ, вмѣстѣ съ Копорьемъ, отданъ былъ свѣтлѣйшему въ отчину Царемъ, умѣвшимъ карать его за противозаконности, но еще болѣе умѣвшимъ цѣнить и возвеличивать его заслуги. Главная примѣчательность сего города въ настоящее время есть мостъ чрезъ крутоберегую Лугу, сооруженіе корпуса путей сообщенія; посрединѣ рѣки стоитъ красивый паромъ съ Императорскимъ флагомъ для переправы Государя Императора чрезъ рѣку въ полуую воду.

Сильный зной томилъ насъ во время переѣзда изъ Ямбурга въ Нарву, куда прибыли мы въ два часа по полудни. Гостинница, опрятная и красиво построенная, дала намъ обѣдъ, послѣ котораго отправились мы обозрѣвать городъ, или лучше сказать, два особенные города: каждый изъ нихъ имѣетъ свою особую фizioномію и носить печать того времени, въ которое былъ воздвигнутъ.

На утесистомъ берегу Наровы великій Іоаннъ III, препиравшійся съ славнымъ Плеттенбергомъ, соорудилъ дѣтинецъ, или крѣпость, Иванъ-городокъ, высокую, огражденную подзорными башнями и бойницами, поддерживаемую въ разныхъ мѣстахъ контръ-форсами, и владычествующую надъ

излучистымъ теченіемъ стремительно-люющейся рѣки.

Противъ Иванъ-городка, на другой столько же круто-берегой сторонѣ, высится рыцарскій зубчатый замокъ, отъ котораго протянутъ высокій валъ вокругъ всего города Ругодива, или Нарвы, служившаго сильнымъ оплотомъ Ливоніи противъ могущества Новгородцевъ и великихъ князей Россіи.

Объ эти части города, нѣкогда раздѣленные и враждебныя, нынѣ соединены, и удобно сообщаются между собою величественнымъ мостомъ, на гранитныхъ быкахъ утвержденнымъ и сооруженнымъ въ царствованіе Императора Николая, въ 1830 году. Такъ называемыя «водяныя ворота,» похожія на главныя ворота Петропавловской крѣпости въ Петербургѣ, ведутъ во внутренность Нарвы. Каменные высокіе дома, замкнутые узкими улицами, освѣщаемые широкими окнами, украшенные вѣчно движущимися флюгерами и балконами въ видѣ небольшихъ башенъ, свидѣтельствуютъ о давности города и о Германскомъ его происхожденіи. Въ главной улицѣ къ примѣчательнымъ зданіямъ принадлежитъ древняя церковь, неизвѣстно когда построенная, и въ 1736 году reposit, какъ сказано въ надписи надъ входомъ; но на площади внутри города поражаютъ путешественника два готическія сооруженія: одно обращено нынѣ въ городской Нѣмецкій

театръ, а другое сохраняетъ доселѣ прежнее свое назначеніе, — это Rathhaus, памятный Русскимъ по славнымъ воспоминаніямъ о безсмертномъ преобразователѣ Россіи. Обширная четверугольная зала занимаетъ средину дома; плафонъ съ эмблематическими изображеніями ее украшаетъ; всѣ изображенія намекаютъ о подвигахъ Великаго. На одномъ концѣ плафона эмблема приличная съ надписью—*Vivens moriens*, на другомъ—*Semper ubique*, на третьемъ—*Victoria*, а на четвертомъ—*Loco et tempore*. По обѣ стороны залы входы въ горницы, занимаемыя разными присутственными мѣстами, — магистратомъ, коммерческимъ судомъ, акцизнымъ, совѣстнымъ и другими. Въ магистратѣ, украшенномъ портретами Россійскихъ государей, начиная отъ Петра I до Николая I, находятся древнія кресла, покрытыя краснымъ сукномъ и поставленныя въ видѣ полукружія надъ возвышеніемъ, гдѣ стоитъ зеркало. Въ этой залѣ Петръ Великій произнесъ приговоръ спасенія и пощады городу Нарвѣ въ 1704 году, представъ Горну и высшимъ сановникамъ крѣпости съ мечемъ въ рукѣ, обагренномъ кровію его собственныхъ воиновъ, дерзнувшихъ, вопреки волѣ Монарха, расхищать городъ и губить безпомощныхъ обитателей, которые уже признали надъ собою право побѣдителя. Утѣшительно видѣть въ героѣ побѣдителя ангела-хранителя побѣжденных!

Императорскій дворецъ, сооруженный во время Петра I, есть двухъ-этажное зданіе съ небольшимъ подъездомъ, или крыльцомъ, надъ которымъ поставленъ вооруженный рыцарь. Комнаты, просто меблированныя, хранятъ, какъ драгоценность, нѣкоторыя вещи, принадлежавшія Великому: кровать, конторку, кресла, зеркала. Въ первой отъ лѣстницы комнатъ расписанный плафонъ, на углахъ котораго находятся паутическія и военныя изображенія; на одномъ углу представленъ купидонъ на орлѣ съ надписью внизу: — *Высокі ищеть*; на другомъ готическая двухэтажная башня — *Непостоянство мнѣ порочно*: на третьемъ якорь о двухъ лапахъ — *Ничто сего не страшитъ*; въ четвертомъ пила, на одномъ концѣ которой виситъ мечъ, а на другомъ медаль; внизу надпись — *Что сіе не можетъ?* въ пятомъ горящая бомба — *Горе, кому достанется*, а въ шестомъ руль — *Надъ водами власть имѣеть*. Изъ дворца прекрасный видъ на Нарову и на городскія окрестности; вдали видна богатая мыза Штакельберговъ, пожалованная этой фамиліи еще Петромъ. Изъ залы дворца выходитъ балконъ со стеклянными окнами и деревяннымъ переходомъ, на коемъ устроенъ опускной мостъ для сходу изъ дворца на земляной валъ, простирающійся круто надъ рѣкою, по ея теченію.

Обошедши городъ и обозрѣвъ всѣ главныя примѣчательности, отправился я на водопадъ,

Ювала: я любопытствовалъ видѣть его тѣмъ болѣе, что мнѣ хотѣлось сравнить водопадъ Наровскій съ водопадомъ Кивачемъ на рѣкѣ Сунѣ въ Олонецкой губерніи, прославленнымъ лирою нашего великаго барда, Державина. Кивачъ видѣлъ я за двадцать лѣтъ передъ симъ, въ 1812 году; но впечатлѣніе, имъ на меня произведенное, осталось неизгладимымъ доселѣ.

Дорога къ Ювалѣ лежитъ по пространной равнинѣ, на которой совершилось столько дѣлъ знаменитыхъ въ вѣки минувшіе, и гдѣ Русскіе, такъ дорого купили у Шведовъ первый урокъ въ военномъ искусствѣ. Шумъ отъ паденія водъ раздается далеко. Близъ водопада лежитъ людная деревня Г. Крамера, населенная крестьянами, благоденствующими не отъ хлѣбопашества, а отъ промышленной дѣятельности. Приблизившись къ рѣкѣ, изумленъ я былъ зрѣлищемъ величественнымъ: широкая рѣка, спокойно несшая доселѣ свои воды, встрѣтивъ сопротивленіе отъ огромныхъ камней, дивною силою природы набросанныхъ поперегъ ея, и образующихъ цѣлые утесы, силится разрушить преграды, и съ клокотаніемъ низвергается въ пропасть, къ подошвѣ утесовъ; въ стремленіи своемъ она дѣлаетъ боковыя движенія, прокладываетъ новыя русла, и представляетъ цѣлый рядъ водопадовъ одинъ другаго выше, одинъ другаго грознѣе. На разныхъ рукавахъ водопада человѣческая про-

мышленность устроила многія заведенія; здѣсь находятся мукомольная и лѣсопильная мельницы и суконная фабрика, вновь учреждаемая: сила воды замѣняетъ тутъ дѣйствіе паровыхъ машинъ. Удаляясь отъ Ювалы, я далъ ему мысленно предпочтеніе предъ Кивачемъ, и по большому обилію водъ, и по большей выгодности его положенія: Кивачъ льется въ безлюдной пустотѣ среди лѣсовъ, рѣдко къмъ посѣщаемыхъ.

Въ семь часовъ вечера выѣхали мы изъ Нарвы по тракту на Гдовъ. На разстояніи семи верстъ отъ Нарвы мы оставались въ счастливомъ очарованіи, что кромѣ наслажденій ничего намъ въ пути не встрѣтится: и дорога была равно прекрасна, и виды пріятны; тихая, спокойная Нарова опоясывала своимъ теченіемъ, какъ лентою, зеленые луга, стелющіеся по обоимъ берегамъ ея на довольноную даль. На самой границѣ Ямбургскаго уѣзда поставленъ на этой рѣкѣ весьма красивый пловучій мостъ, — новая, праведная благодарность управленію путей сообщенія! Шагъ за мостъ, и очарованіе наше мгновенно исчезло; какъ-будто дѣйствіемъ волшебнаго прута, все измѣняется: природа дичаетъ, предъ глазами болота и лѣса, дорога чуть-чуть сносная; недолго еще повеселила насъ Нарова своимъ разнообразнымъ теченіемъ — и ее потеряли мы наконецъ изъ виду. Съ потерей ея, казалось, потеряли мы и свѣтъ Божій; ночь своими мрачными покрывалами по-

дернула все насъ окружавшее, и мы, одѣянные мракомъ, невольно стихли, бывъ дотолъ постоянно говорливы. Удивительную силу имѣетъ природа надъ человѣкомъ: богатая и разнообразная, она возвышаетъ душу; дикая и унылая, напротивъ, погружаетъ насъ въ грустные думы и усыпляетъ всю нашу дѣятельность.

Сонные проѣхали мы станцію Низы, и прибыли въ деревню Полю. Дремучій лѣсъ, осененный темнотою ночи, былъ предъ нами, за нами и вокругъ насъ. Въ деревнѣ рѣшили мы дожидаться разсвѣта: ночлега имѣть было невозможно въ грязныхъ, бѣдныхъ избахъ. Коляска служила намъ спальнею. Съ разсвѣтомъ мчали насъ безпробудныхъ до Купкова; отсюда до Гдова переѣздъ пріятнѣе: зеленѣющіеся луга и поля, холмы и горы въ отдаленіи, нѣсколько селеній близъ дороги, и богатая усадьба князя Дондукова-Корсакова, развлекали по временамъ наше вниманіе. Около полудня вѣхали мы во Гдовъ.

Гдовъ, ничтожный городъ и населеніемъ и промышленностью, лежитъ на возвышеніи при берегахъ грязной Гдовки, недалеко отъ восточнаго края Чудскаго Озера, или Пейпуса. Сколько воспоминаній рождается невольно при взглядѣ на Гдовъ, замѣчательный своею древностію! Земля его освящена стопами героя Невскаго, умѣвшаго и во дни ужасныхъ бѣдствій отечества сдѣлать

имя свое грознымъ для горделивыхъ Ливонскихъ рыцарей. Сколько разъ поражалъ онъ ихъ съ любимыми своими Новгородцами! Озеро Чудское было нерѣдко театромъ славныхъ дѣлъ его, а Гдовъ свидѣтелемъ, можетъ-быть и участникомъ. Отсюда сторожилъ Александръ Новгородъ, и спѣшилъ на спасеніе Пскова отъ враговъ чужеземныхъ, и отъ непріятеля, еще болѣе опаснаго, — отъ властолюбиваго Твердилы. Прощли вѣки, и Гдову остались только древнее имя и разсыпавшіяся развалины глубокой старины, — валъ съ укрѣпленіями каменными и два храма съ колокольнею, оба уже позднѣйшаго происхожденія. Церкви и колокольни построеніемъ своимъ принадлежатъ, вѣроятно, къ времени царя Іоанна Васильевича Грознаго, или не много прежде. Ничто впрочемъ не можетъ вразумить археолога положительно о древности этихъ зданій: нѣтъ ни рукописей, ни преданій. Увлекаемые любознательностію, мы взобрались на колокольню: колоколь, вылитый въ первые годы правленія царя Іоанна Васильевича, и украшенный разными изображеніями и надписями, наградилъ насъ за подвѣтный трудъ. Эта колокольня примыкала къ двумъ церквамъ, изъ которыхъ одна въ недавніе годы скрыта за ветхостію до основанія, а другая, скудная видомъ, низенькая, одноглавая, заперта тяжелою желѣзною цѣпью и желѣзною дверью, примѣтно разрушающеюся отъ ржавчины; толь-

ко известъ и щепень наполняютъ внутренность храма. Главная градская церковь составляетъ также памятникъ древности: внутри ничего нѣтъ новаго, изящнаго, нѣтъ и старины примѣчательной, кромѣ серебрянаго позлащеннаго креста, распадающагося отъ ветхости, и Евангелія 1685 года; есть много вкладовъ, принесенныхъ церкви фамиліею Коновницыныхъ, здѣшнихъ вотчинниковъ, но и вклады бѣдны. Вокругъ церковной главы, извнѣ, сдѣлана какая-то надпись, шикѣмъ еще не разобранный, и никто изъ здѣшнихъ жителей не пытался даже разгадать ея смыслъ. «Губернаторъ Храповицкій, говорилъ мнѣ тамошній священникъ, присылалъ сюда недавно чиновника скопировать и, если можно, разобрать ее: успѣлъ ли онъ въ томъ, не знаю.»

Пустившись въ дальнѣйшій путь по направленію ко Пскову, мы не могли вообразить себѣ скуки, насъ здѣсь ожидавшей. Дремучіе, вѣковые лѣса, покрываютъ почти все пространство; дорога идетъ по сыпучему, глубокому песку, и тяжела до такой степени, что шесть лошадей, тащившихъ нашу коляску, едва въ четыре съ половиною часа могли пробѣжать, или лучше, пройти разстояніе двадцати верстъ. Отъ станціи Желчи до Толбицы простирается такъ называемый Сороковой боръ; мракъ глубокій царствуетъ въ немъ и посреди бѣлаго дня; ничего не видно, кромѣ хвойныхъ деревьевъ, засыпавшихъ

своими иглами земляной грунтъ, и страшныхъ обрывовъ горныхъ, образующихъ бездонныя пропасти, которыхъ обнаженные бока выказываютъ песчаное ихъ основаніе. Мертвая тишина бора прерываема была въ проѣздъ нашъ шумными голосами безчисленныхъ богомольцевъ, возвращавшихся изъ Пскова: пестрыя толпы женъ, стариковъ, дѣтей и молодыхъ крестьянъ и крестьянокъ веселили насъ своимъ говоромъ. Ежегодно приходитъ во Псковъ Печорская явленная Божія Матерь въ воскресенье предъ Троицынымъ днемъ, и привлекаетъ молящихся изъ всѣхъ странъ окрестныхъ, и даже дальнихъ. Стеченіе народа во Псковъ бываетъ въ это время чрезвычайное: насчитываютъ иногда до 30,000 набожныхъ пришельцевъ.

Большая дорога, по которой мы ѣхали, лежитъ по заозерью, и лѣса, покрывающіе пространство между Гдовомъ и Псковомъ, идутъ отъ береговъ Пейпуса во внутренность слишкомъ на сто верстъ съ небольшими перерывами. Жители заозерья и вообще всей окрестной страны считаютъ главнымъ своимъ занятіемъ рыбную ловлю: одни занимаются производствомъ ловли, а другіе перекупкою рыбы и развозкою ея для продажи; многіе крестьяне наживаютъ знатные капиталы и благоденствуютъ. Главные роды рыбъ—лососи, лохи, щуки, лещи, судаки, а на южномъ концѣ Пейпуса, при сліяніи съ озеромъ Псковскимъ, и

въ семь послѣднемъ, ловится великое множество снятковъ, развозимыхъ повсюду. Важнѣйшій ловъ производится въ зимнее время. Цѣлыя тысячи крестьянъ, партіями, болѣе или менѣе людными, отправляются на промыселъ, располагаются по срединѣ озера въ разныхъ дистанціяхъ, и укрѣпляютъ на льду для житія своего берестяные домики, или палатки. Въ этихъ берестянкахъ помѣщается обыкновенно двѣнадцать человекъ, а иногда даже около тридцати. Съ понедѣльника до субботы все населеніе окрестныхъ деревень и со стороны Гдова, и отъ Пскова и Ливоніи, сосредоточивается на льдистой корѣ озера: въ субботу возвращаются крестьяне къ своимъ семействамъ съ недѣльною добычею. Иногда уловъ бываетъ такъ счастливъ, что одною тонею, или неводомъ вытаскивается рыбъ на триста и болѣе рублей. Всякій дѣятельный рыболовъ можетъ въ одну зиму выработать до трехъ сотъ рублей. По добродушному сознанію самихъ крестьянъ, Пейпусъ есть кормилецъ всего заозерья.

Къ утру, 24 мая 1852, простились мы и съ Пейпусомъ, и съ боромъ.

Лучи восходящаго солнца ослѣпительнымъ блескомъ пріятно золотили обширный горизонтъ равнинъ и полей, стелющихся вокругъ города Пскова. Вдалекъ увидѣлъ я блестящіе верхи Св. Троицы, — палладіума Псковитянъ: этотъ соборный храмъ высится, какъ исполинъ, надъ

всѣмъ его окружающимъ. Забывъ претерпѣнную въ бору скуку, съ радостнымъ нетерпѣніемъ летѣлъ я во срѣтеніе приближающемуся къ намъ Пскову, и воображеніе умчало меня въ недосигаемую даль вѣковъ протекшихъ. Съ благоговѣйнымъ восторгомъ видѣлъ я предъ собою тѣни великихъ, или рожденных или дѣйствовавшихъ на землѣ Псковской: Святая Ольга, начинавшая здѣсь благотѣльную жизнь свою, Всеволодъ Гавріилъ, первый князь Псковскій, Александръ Невскій, побѣдитель Ливонцевъ на Пейпусѣ, поражающій во Псковѣ крамольные замыслы изверга Твердилы, Довмонтъ, создатель стѣнъ Псковскихъ, подъ эгидою св. Троицы торжествовавшій побѣды надъ магистрами Ливонскими и надъ Литвою, Димитрій Александровичъ, сынъ отца безсмертнаго, отверженный неблагодарными Псковитянами, Александръ Михайловичъ Тверской, обрѣтающій здѣсь защиту отъ гоненій честолюбиваго Калиты, и доблественный князь Шуйскій, спаситель Пскова отъ ударовъ Баторія, — сколько лицъ знаменитыхъ, раздѣленныхъ промежуткомъ многихъ вѣковъ, но невольно соединившихся въ одной рамѣ моего воображенія!

Мы пріѣхали во Псковъ въ самый торжественный моментъ и для города, и для цѣлой губерніи: все здѣшнее дворянство съѣхалось за мѣсяцъ предъ тѣмъ въ губернскій городъ для выборовъ по новому объ нихъ положенію, утверж-

денному въ 1831-мъ году. Выборы Псковскіе были уже кончены, и, по общимъ отзывамъ, пали на достойныхъ, лучшихъ членовъ дворянскаго сословія.

Обозрѣвая городъ, видѣли мы вездѣ скудость строеній, бѣдные остатки древности, худо сохранные, славную стѣну знаменитаго Довмонта, отсюда осыпающуюся и грозящую паденіемъ, безпланіе въ расположеніи городскихъ зданій, и цѣлыя облака меловой пыли, носящейся надъ городомъ и посреди города.

Изъ частныхъ зданій во Псковъ со вниманіемъ смотрѣлъ я на домъ купца Трубинскаго, примѣчательный своею особливою архитектурою и древностію, но болѣе тѣмъ, что Петръ Великій не рѣдко счастливилъ его своимъ посѣщеніемъ по любви къ владѣльцу, предку нынѣшняго: за-здравные кубки, изъ которыхъ Монархъ пилъ за здоровье хозяина и за благоденствіе своего народа, хранятся и доселѣ, какъ святыня. Сидя на балконѣ, хитро и узорчато сдѣланномъ, Петръ бесѣдовалъ съ торговцомъ о минувшей торговой славѣ Пскова и о возникающемъ богатствѣ юной его столицы. Въ саду есть деревья, насажденные рукою безсмертнаго Зиждителя.

Можно ли, бывши во Псковъ, не поклониться гробу святаго Довмонта? При жизни своей Довмонтъ былъ хранителемъ Пскова и страхомъ его врагомъ; по смерти, церковь праведно при-

чла его къ лику святыхъ за благочестивые, Христіанскіе подвиги; а потомство будетъ благоговѣть къ дѣламъ его болѣе благотворнымъ, чѣмъ громкимъ. Гробъ Довмонта находится въ Троицкомъ соборѣ: и гдѣ приличнѣе было поставить его, какъ не въ томъ храмѣ, который онъ такъ часто отстаивалъ отъ ударовъ вражескихъ, и въ окружности тѣхъ стѣнъ, которыя имъ воздвигнуты съ цѣлію обороны, и доселѣ еще величаются великимъ его именемъ?

Троицкій соборъ, въ разные періоды времени перестроенный, отличается своею скромностію и необыкновенною, въ тридцать три сажени, высотой. Впрочемъ нѣтъ въ немъ ни изящества въ отдѣлкѣ, ни благолѣпія убранствъ, — живописныхъ иконъ, серебряныхъ дорогихъ окладовъ или важныхъ приношеній. Главную примѣчательность собора составляютъ гробы св. князя Довмонта и св. князя Всеволода Гавріила: оба они стоятъ въ придѣлѣ на правой сторонѣ. Надъ гробомъ послѣдняго виситъ длинный мечъ съ извѣстною надписью: *Нпогет меит немині даѡ* (честь моей никому не отдамъ). И Довмонтовъ мечъ хранится также при его гробѣ: онъ гораздо меньше Всеволодова, — но какъ грозенъ онъ былъ непріятелямъ! Не скрою истины: въ мечѣ Всеволодовомъ занимала меня только его многозначительная надпись, а въ мечѣ Довмонта важнѣйшее, — самый мечъ.

Въ шесть часовъ 26 мая утра оставили мы Псковъ. Погода была прекрасная. Часто озирался я назадъ, но городъ скоро скрылся отъ глазъ: только высокій куполь св. Троицы — довольно долго еще виднѣлся вдаль, наконецъ и онъ исчезъ. Со страхомъ воображалъ я себѣ, что скоро обниметъ насъ такой же дремучій лѣсъ, какимъ мы проѣзжали ко Пскову; но чѣмъ далѣе впередъ, тѣмъ мѣста открытѣе, виды разнообразнѣе и пріятнѣе. Поперемѣнно открывались зеленѣющіяся поля, холмы и пригорки, и небольшія красивыя лѣсныя рощи, по опушкѣ которыхъ вездѣ деревни и села: вообще, все пространство отъ Пскова до Изборска, почти сорокъ верстъ, есть истинное наслажденіе для путешественника, проѣхавшаго Сороковой боръ.

Приближаясь къ Изборску, я видѣлъ точно, что мы уже навсегда выбрались изъ бору: не отъ того ли и имя Изборска? но было ли это такъ за восемь вѣковъ? Могло ли быть такъ? Сколько поколѣній людей смѣнилось, являлось и исчезало, оставляя по себѣ слѣды, едва видимые потомками! Сколько превращеній и измѣненій потерпѣла сама физическая натура, часто дряхлѣющая и всегда поновляемая по манію создавшаго ее, и по указанію человѣческой дѣятельности? Имя Изборска пробуждаетъ въ душѣ особенное чувство: ни какихъ великихъ воспоминаній съ нимъ не сопрягается, но тѣмъ не ме-

нѣе это имя имѣетъ свое очарованіе, радуется точно такъ, какъ всякое припоминаніе о лѣтахъ младенчества или дѣтства нашего веселить насъ, — а Изборскъ современенъ самому дѣтству Русскаго народа. Въ Изборскъ сидѣлъ Труворъ, и сторожилъ полудикихъ Славянъ отъ набѣговъ дикой безъ-исторической Чуди. Изборскъ былъ вѣроятно первою февдою. Со времени единодержавія Рюрика бытіе Изборска покрывается завѣсою безвѣстности. И все вокругъ него было такъ же темно: одна только свѣтлая точка видна была на историческомъ горизонтѣ Сѣвера, — это Новгородъ, исключительно занимавшій собою вниманіе окрестныхъ и дальнихъ странъ и народовъ. Изборскъ первоначальный, или Труворовъ, исчезъ, вѣроятно, такъ же незамѣтно, какъ незамѣтно возникъ.

Нынѣшній Изборскъ, или руина, теперь видимая и знаемая подъ его именемъ, принадлежитъ своимъ происхожденіемъ къ XIII вѣку. Во времена, когда грозные рои наносились на Русь со всѣхъ сторонъ, нужны были огражденія отъ непріятелей: такимъ былъ Изборскъ противъ Ливонскихъ рыцарей. Вѣроятно, онъ построенъ близъ прежняго, или даже на его развалинахъ. Во всякомъ случаѣ, земля Изборская внушаетъ невольное къ себѣ уваженіе, и я ступилъ на нее съ благоговѣйнымъ удовольствіемъ.

Подъѣзжая къ Изборску, на противулежащей

ему горь, я вельмъ извозчику остановиться, и пошелъ пѣшкомъ. Подъ горою обширная разстиляется долина, сомкнутая возвышенностями; посреди долины струится небольшая рѣчка, или ручеекъ, образующій какъ-бы ленту серебристую на зеленобархатной муравѣ; возвышенности, почти перпендикулярно висящія надъ долиною, составляютъ прелестный ландшафтъ.

Перешедши долину и ручей по мосту, я помчался быстро на скалу, на склонъ которой виситъ замокъ, или крѣпость Изборская. Во внутренности ея, на площадкѣ стоитъ убогая церковь, безъ украшеній новыхъ и безъ остатковъ старины: она сама только есть старина примѣчательная. Вокругъ нее находятся столько же убогіе дома священниковъ и ихъ неопрятные огороды. Крѣпостныя стѣны сохранились все: только на сѣверной сторонѣ сдѣланъ проломъ не непріятелями, а вѣроятно временемъ или невѣжественными жителями прилежащей деревни. По угламъ стѣнъ находится шесть высокихъ башень: въ одной устроена теперь колокольня. Я входилъ на нее не для наблюденій археологическихъ, — ибо тамъ нечего видѣть, — а для взгляда на прелестныя окрестности.

Вышедъ изъ крѣпости сквозь проломъ, я спустился внизъ со скалы, и увидѣлъ себя въ низкой лощинѣ, гдѣ находится естественный запасъ воды, или резервуаръ: отсюда въ разныя сто-

ропы льются родники; нѣкоторые изъ нихъ представляются текущими, вопреки законамъ природы, снизу вверхъ съ большою быстротою; протекши на довольное разстояніе, они бросаютъ свои воды въ долину, и соединяютъ ихъ съ ручьемъ, тамъ бѣгущимъ.

При выѣздѣ изъ Изборска къ Печорамъ, по обѣ стороны дороги находится кладбище, по преданію весьма древнее: на многихъ могилахъ лежатъ гранитныя изъ дикаго камня плиты съ неистолкуемыми или покрайней-мѣрѣ доселѣ еще неистолкованными надписями, которыя однако жъ несомнѣнно доказываютъ глубокую ихъ древность и не простое происхожденіе почіющихъ подъ ними. Не гробы ли это какихъ либо именитыхъ воиновъ, погибавшихъ въ частыхъ браняхъ Русскихъ съ Ливонцами?

Въ двадцати верстахъ отъ Изборска, вельѣя снова остановиться, чтобы видѣть Печоры, самую крайнюю на сѣверозападѣ Россіи обитель, или послѣдній православный монастырь — мѣсто, отмѣнно примѣчательное своею природою, и нѣкогда сильное высокими стѣнами и укрѣпленными башнями. Между этихъ стѣнъ, построенныхъ на возвышеніяхъ, находится въ узкой долинѣ цѣлый рядъ монастырскихъ строеній, — церквей, келій и отдѣльных домиковъ; по склону горы, довольно обширный фруктовый Святогорскій садъ, изъ котораго просторный корридоръ,

или лѣснища, ведетъ въ главную церковь монастыря, расположенную также по горѣ, подъ церковь, во внутренности горы, извивистыя пещеры съ гробами и съ небольшою церковію Успенія, въ которой зимою отправляется служеніе, и гдѣ иконостасъ весь желѣзный. Въ лѣтнее время долго ходить по этимъ пещерамъ невозможно отъ сырости и проникающаго до костей холода.

Вышедши изъ Святогорскаго сада и изъ пещеръ, надобно восходить на другую крутизну, по уступамъ, нарочно устроеннымъ. На ней недавно сооружена новая, изящной архитектуры церковь, которая служить какъ-бы монументомъ графу Витгенштейну и его сподвижникамъ, храбро ратовавшимъ въ незабвенную годину спасенія отечества отъ нашествія Французовъ.

При выходѣ изъ монастыря, поклонились мы Печерской Божіей Матери, только-что возвращавшейся изъ Пскова, и сопровождаемой безчисленнымъ множествомъ народа, сбѣжавшагося отсюда къ ней на встрѣченіе.

Вечерѣло уже, когда выѣхали мы изъ Печоръ; съ концомъ дня кончилось и наше путешествіе по Псковской губерніи; ночью прибыли мы въ Нейгаузенъ, первую станцію въ предѣлахъ Лифляндіи, гдѣ новый бытъ и новая жизнь и въ природѣ и въ людяхъ. Новое нашли мы даже и въ самыхъ развалинахъ Нейгаузенскаго замка,

совершенно отличныхъ своимъ характеромъ отъ развалинъ Гдовскихъ, Псковскихъ и Изборскихъ.

Псковская губернія принадлежитъ къ числу посредственно населенныхъ, не такъ бѣдна жителями, какъ Архангельская или Астраханская, но далеко не такъ богата населеніемъ, какъ внутреннія околomosковныя губерніи: здѣсь, на пространствѣ 768 квадратныхъ миль, находится около 650,000 (647,640) жителей: слѣдственно по 843 человека на одну квадратную милю.

Губернія эта не можетъ принадлежать и къ числу хлѣбородныхъ: изъ 4,011,459 десятинъ всего пространства меньше половины (1,292,092 д.) считается пахатной земли. Здѣсь болѣе болотъ, нежели луговъ и сѣнокосныхъ пастбищъ: болота и рѣки занимаютъ 264,142 десятины, а подъ лугами только 195,145 десятинъ: слѣдственно и скотоводство процвѣтаетъ здѣсь также не можетъ.

Главнѣйшее богатство сего края составляютъ лѣса: большая ихъ часть — собственность казны; нѣкоторые отдѣлены и неприкосновенны подъ именемъ заказныхъ рощей, въ которыхъ находится 84,037 десятинъ; а другіе, раздѣленные на 235 лѣсосѣковъ, приписаны къ казеннымъ волостямъ.

По хлѣбопашеству лучшіе уѣзды въ Псковской губерніи — Псковской и Великолуцкой, а худшіе — Торопецкій и Порховскій: вообще же урожай по губерніи не болѣе, какъ съ небольшимъ третье зерно. На случай неурожая въ

устроены запасные хлѣбные магазины, въ которыхъ хранится хлѣба на лицо 17,708 четвертей ржи и 4,100 четвертей овса: это, въ случаѣ надобности, раздается казеннымъ крестьянамъ, ибо продовольствіе помѣщичьихъ крестьянъ возлагается на попеченіе самихъ помѣщиковъ. Не смотря на естественную бѣдность страны, съ особеннымъ удовольствіемъ замѣтилъ я общую зажиточность и благоденствіе поселянъ, какъ помѣщичьихъ и удѣльныхъ крестьянъ, такъ и казенныхъ. Нельзя не сказать здѣсь, что новая мѣра управленія казенными крестьянами, принятая для опыта Министерствомъ Финансовъ, уже оказываетъ здѣсь благотѣльные послѣдствія: бытъ казенныхъ крестьянъ видимо и очень быстро измѣняется къ лучшему.

Бѣдная продуктами земледѣльческими, она также мало замѣчательна и по успѣхамъ мануфактурной промышленности. Изъ фабрикъ въ Псковской губерніи только одна полотняная и нѣсколько заводовъ; кожевенные и винокуренные самые многочисленныя, но всѣ вообще заводы неважны.

Торговля губерніи незначительна; близость къ столицѣ и Ригѣ отнимаетъ всякую возможность къ распространенію сей промышленности. Хотя купечеству класса считается здѣсь свыше 2000 человекъ, — но что это за купцы! Люди съ сотнею тысячъ рублей считаются здѣсь уже за большихъ капиталистовъ. Самыми важнѣй-

шими пунктами для торговли и промышленности должны считаться города Псковъ, Торопецъ и Порховъ. Въ бытность мою во Псковъ я слышалъ отъ многихъ жалобы на то, что торговля Риги и вообще Остзейскихъ провинцій подавила всю торговую дѣятельность Псковитянъ. Эти жалобы были главнѣйшею причиною перемѣны пути моего и рѣшимости моей взглянуть на Ливонію, и повѣрить, сколько возможно, ихъ справедливость или неосновательность.

Учебныхъ заведеній, считая въ томъ числѣ приходскія училища, находится здѣсь 22, и въ нихъ 790 человекъ учащихся: слѣдственно среднею пропорціею приходится только 35 человекъ учащихся на каждое училище, и изъ 820 человекъ всего народонаселенія одинъ учащійся.

Въ нравственномъ отношеніи губернія представляетъ болѣе утѣшительнаго: преступленія здѣсь рѣдки; безопасность жителей довольно ограждена; въ 1831 году производилось въ Псковской Уголовной палатѣ 398 дѣлъ, по которымъ подвергнуто было суду 720 человекъ; изъ нихъ 307 человекъ содержалось подъ стражею, 406 приговорено къ наказанію, а 313 оправдано. Изъ всего числа 398 уголовныхъ преступленій приходилось 239 дѣлъ по корчемству, за которое судилось 384 человека, содержалось 170 и 188 приговорено. Послѣ корчемства, самыя частыя и

болѣе обыкновенныя преступленія — воровство, драки въ пьянствѣ и бродяжничество. За смертоубійства было только 9 человѣкъ приговоренныхъ.

Самое большее число преступниковъ въ сравненіи съ общимъ числомъ душъ, къ каждому сословію принадлежащихъ, оказывается въ сословіи разночинцевъ и духовныхъ, а самое меньшее въ классѣ крестьянъ удѣльныхъ: между казенными крестьянами вообще менѣе нравственности, какъ видно, нежели между удѣльными и помѣщичьими.

Осмотръ Нейгаузенскихъ развалинъ, 27 мая, воскресилъ въ моей памяти воспоминанія о Ливонскомъ рыцарствѣ, о борьбѣ его съ Новгородомъ, о подвигахъ великаго Плеттенберга и о смѣлыхъ, грабительственныхъ набѣгахъ князей Щени Оболонскаго и Пенка Ярославскаго. Новгородокъ Ливонскій, или Нейгаузенъ, былъ отчасти мѣстою нападеній, отчасти воротами ко входу въ самое сердце Ливоніи, земли, издавна классической въ военномъ, политическомъ и коммерческомъ отношеніяхъ.

Долго любовался я прелестнымъ положеніемъ Нейгаузена, тщательно разсмотрѣлъ давно уже обрушившіяся стѣны замка съ полуразвалившимися зубчатыми его башнями: все брошено, и все спокойно теперь въ мѣстѣ нѣкогда шумномъ.

Ночью проѣхали мы городъ Верро, и очень темное сохранилъ я объ немъ понятіе: городокъ сколько видно было, чистый, опрятно содержимый, безъ дрезностей, безъ богатыхъ зданій. Дорога отсюда, съ небольшими перерывами, конечно дурная и утомительная по причинѣ глубокихъ сыпучихъ песковъ. Города Валкъ и Волмаръ, находящіеся на большомъ Петербургскомъ тракѣ, мало развлекли наше вниманіе. Остатки замка, высокой стѣны, башень, вала и рва и доселѣ еще видны въ Волмарѣ, — а сколько перетерпѣлъ пападеній и опустошеній этотъ городъ, знаемый прежде въ Россіи подъ именемъ Иволдимірець Ливонскій! Теперь не имѣетъ онъ ни городской промышленности, ни капиталовъ: только красивая Аа даетъ ему преимущество предъ Валкомъ и Верро. Проѣхавши Волмаръ, погрузались мы болѣе и болѣе въ пески.

Отъ станціи Энгельгардсгофа до Риги не болѣе сорока верстъ, но цѣлое море песковъ лежитъ между ними: плыть по этому морю удивительное, стоическое терпѣніе. Въ одиннадцати верстахъ отъ Риги лежитъ Нейермилень, бѣдное созданіе епископа Алберта, некогда укрѣпленный замокъ, а нынѣ простая почтовая станція. Никогда не забуду ея: цѣлые три часа ѣхали мы — эти безконечныя одиннадцать верстъ.

Въ шесть часовъ вечера, 28 мая, въѣхали мы въ Ригу: красивые, большею частію, деревянные

ные дома, широкія улицы, ихъ людность, отличный вкусъ въ построеніи и расположеніи зданій поразили меня при первомъ въѣздѣ въ городъ: но это не городъ, сказали мнѣ, а только предмѣстіе, форштатъ Петербургскій, совершенно обновленный послѣ великаго пожара въ 1812 году, истребившаго его почти до основанія, равно какъ и соединяющійся съ нимъ форштатъ Московскій, не столько красивый и богатый, но болѣе протяженный, такъ же правильно построенный и столь же удобный и помѣстительный для житья. Оба эти форштата съ трехъ сторонъ замыкаютъ городъ, который только западною своею стороною облакачивается, можно сказать, на пологій, ровный берегъ Двины; за рѣкою на лѣвомъ ея берегу, находится третій форштатъ, Митавскій, несравненно бѣднѣйшій двухъ первыхъ.

Между Петербургскимъ форштатомъ и городомъ лежитъ обширная площадь, съ коей вправо прекрасный видъ на цитадель и рѣку, а съ лѣвой на недавно раскинутый садъ, *Wöhrmansgarten*, обычное мѣсто общественнаго гулянья въ праздники; на южномъ концѣ площади глубокій водяной ровъ, окружающій все пространство собственно такъ называемаго города; надъ ровомъ возвышается крѣпкій валъ, обложенный тесанымъ камнемъ, имѣющій десять бастіоновъ и четыре равелина съ покрытымъ путемъ и гла-

сисомъ: этотъ валъ образуетъ необоримую стѣну, въ которой съ сухаго пути устроены трое воротъ, а со стороны Двины пять.

Собственно, городъ Рига какъ-будто слить изъ огромной каменной массы, крѣпко и узко сплоченной: при вѣздѣ чувствуешь стѣсненіе, духоту, тяжесть на душѣ. Улицы необыкновенно узкія и неправильныя; высокіе, странной архитектуры дома почти безъ дворовъ, испещренные всякаго рода вывѣсками, Нѣмецкими, Французскими, Еврейскими и изрѣдка Русскими; на каждомъ шагу лавки подъ домами, мелочныя и щепетильныя рядомъ съ богатыми магазинами; длинныя узкія улицы, Gassen, пересѣкаются безчисленнымъ множествомъ коротенькихъ и еще болѣе узкихъ переулковъ, Nebengassen, въ которыхъ новопріѣзжій не найдетъ ни начала, ни конца. Это настоящій лабиринтъ, гдѣ только пребываніе продолжительное и навѣкъ могутъ дать Аріаднину нить для прогулки по немъ безъ бѣдъ и безъ приключеній. И несмотря на эту тѣсноту, на эту безобразность построеній, невольно поражаешься повсемѣстной чистотою и опрятностію какъ на улицахъ, такъ и въ домахъ: нѣтъ излишняго убранства, нѣтъ пустой роскоши, но вездѣ и во всемъ порядокъ, точность, неизмѣняемая ни чѣмъ правильность въ жизни.

Городъ съ крѣпостью, безъ форштатовъ, имѣетъ

четыре версты въ окружности, двѣ въ длину и 450 сажень въ ширину. Прошедши весь городъ насквозь, мы очутились на берегу величественной Двины, чрезъ которую наведенъ пловучій мостъ, соединяющій городъ съ Форштатомъ Митавскимъ. Видъ съ этого моста очаровательный: внизъ по Двинѣ взоръ достигаетъ неизмѣримаго моря, которое какъ-будто угрожается быть заваленнымъ страшными громадами песковъ, надъ нимъ нависшихъ; вправо выказывается древній замокъ Ливонскихъ магистровъ, славный пребываніемъ въ немъ доблественнаго Вальтеръ-фонъ-Плеттенберга, и высокіе шпицы готическихъ храмовъ и зданій — Domkirche, Schwarzhäupter и Rathhaus; подлѣ моста, по обѣ стороны представляется цѣлый лѣсъ изъ мачтъ съ разноцвѣтными флагами всѣхъ торгующихъ народовъ Европы; большіе корабли, разставленные рядомъ отъ одного берега до другаго, вѣнчаютъ мостъ и образуютъ на влажной стихіи чудную улицу съ огромными пловучими домами, вмѣщающими въ себѣ несмѣтные сокровища изъ разныхъ концовъ вселенной.

Рано утромъ, 29 мая, по благосклонному приглашенію Г. Борха, управляющаго Рижскою таможенною, снарядились мы на пріятную прогулку водою изъ Риги до Болдераа и Динаминда. Въ девять часовъ отправились мы внизъ по Двинѣ на двѣнадцати-весельномъ таможенномъ катерѣ,

при сильномъ противномъ вѣтрѣ съ моря. Три часа ѣхали мы разстояшіе пятнадцати верстъ: по лѣвому берегу рѣки въ разныхъ мѣстахъ устроены небольшія пристани и раскиданно лежатъ немногочисленныя селенія; на правомъ берегу, во глубинѣ насажденныхъ рощей, виднѣются дачи богатыхъ гражданъ Риги, въ праздничное время полныя народомъ, гостями хозяевъ и досужными весельчаками; на томъ же берегу разставлены маяки, въ извѣстномъ одинъ отъ другаго разстояніи; чѣмъ ближе подъѣзжаешь къ заливу морскому, тѣмъ чаще и болѣе видны обнаженные песчанныя горы, вокругъ коихъ совершенная пустота.

При самомъ широкомъ устьѣ Двины, на лѣвой ея сторонѣ находятся Болдераа и Динаминдъ. Болдераа есть собраніе нѣсколькихъ небольшихъ домиковъ для таможенныхъ надзирателей и служителей и лоцмановъ; здѣсь останавливаются всѣ приходящіе корабли, бывають осматриваемы и предъявляютъ свои коносаменты и накладныя, или роспись всего груза или своихъ товаровъ; здѣсь же хозяева кораблей, въ случаѣ надобности, берутъ лоцмановъ, опытныхъ и искусныхъ въ провожаніи судовъ чрезъ опасныя мѣста.

При сліяніи рѣки Болдераа съ Двиною, насупротивъ Болдераской таможни, лежитъ крѣпость, или шанецъ Златокрыль, или Динаминде, современная основанію Риги, и первоначально по-

строенная въ видѣ Католическаго монастыря. Песчанья окрестности мѣста со стороны сухопутной и близлежащія опасныя мели со стороны моря были достаточнымъ огражденіемъ отъ нападений непріятельскихъ въ то время, когда воинское искусство еще было въ колыбели. И теперь Динаминдъ стоитъ въ числѣ крѣпостей, имѣетъ коменданта, гарнизонъ и артиллерійскіе снаряды для обороны; но безъ сомнѣнія, эта крѣпость въ стратегическомъ смыслѣ не можетъ считаться важнымъ пунктомъ. Съ крѣпостнаго вала и особенно съ высокой колокольни внутри крѣпости прелестный видъ въ морскую даль, недостижимую для взора. За Динаминдомъ, при самомъ входѣ въ открытое море, построена брандвахта, крайній обитаемый предѣлъ Рижскій.

Отсюда быстро помчались мы въ обратный путь къ Ригѣ, противъ теченія воды, но при сильномъ попутномъ вѣтрѣ, съ тремя поднятыми парусами— эта прогулка была истиннымъ наслажденіемъ. На возвратномъ пути, сидя лицомъ къ Ригѣ, говорили мы о предметѣ, который дастъ жизнь и душу этому городу, даетъ ему и славу, и богатство, и ставитъ его на чреду первыхъ городовъ имперіи: бесѣдовали о торговлѣ.

Ежегодно къ порту Рижскому приходитъ отъ 1,200 до 1,500 кораблей изъ всѣхъ странъ коммерческихъ со всеми издѣліями, какія только позволены по нашимъ тарифамъ: ввозъ прости-

рается на сумму свыше 10,000,000 рублей, а вывозъ около 40,000,000; продукты, отпускаемые отсюда за границу, состоятъ большею частию въ естественныхъ произведешяхъ Русскаго царства: хлѣбъ, льнѣ, пенькѣ, льсѣ, и проч. Эти произведенія свозятся сюда изъ разныхъ странъ внутренней Россіи: слѣдственно огромные торговые обороты Рижскіе разливаютъ богатство и благоденствіе и въ самые дальніе кран отечества.

Предположивъ скорый отъѣздъ изъ Риги, я спѣшилъ все осмотрѣть, все видѣть примѣчательное въ этомъ необыкновенно примѣчательномъ городѣ; блуждалъ по его улицамъ, обѣгалъ форштаты, съ изумленіемъ и любопытствомъ разглядывалъ чудовищный памятникъ — ростральную колонну, сооруженную надъ могилою какого-то зажигателя Gabriel Franck, закопаннаго тутъ живымъ; смотрѣлъ на обширный гостинный дворъ, построенный безъ пользы, совсѣмъ пустой и никогда не открываемый; любовался превосходнымъ устройствомъ водовмѣстилища, изъ котораго проведена вода по всѣмъ домамъ города; смотрѣлъ на зданія древнія, но и теперь составляющія главнѣйшую красу Риги, какъ то: Ritterschaftshaus, Rathhaus, Schwarzhaupterhaus, цитадель, устроенную и укрѣпленную по системѣ Вобана, Императорскій дворецъ, и Старый замокъ, построенный Плеттенбергомъ, и обитаемый нѣкогда гра-

фомъ Дальбергомъ, дерзнувшимъ оскорбить Петра Великаго.

Согласимся, что безъ Ливоніи, безъ Петербурга и Риги, Россія никогда не сдѣлалась бы тѣмъ, чѣмъ она теперь, — націею, истинно Европейскою. Ливонія и Рига были и остаются доселѣ проводниками Европейской образованности въ глубину Россіи. Многому научились Русскіе отъ Ливонцевъ, многое могутъ перенять отъ нихъ и теперь: это благоустройство общественное, эту расчетливость въ дѣлахъ домашнихъ, это благопріятіе въ семействахъ, эту смысленность въ трудовыхъ стяжаніяхъ, эту дѣятельность неутомимую, и это умѣнье веселиться тихимъ веселіемъ и удовольствіями не шумными.

Въ одиннадцать часовъ утра 31 мая оставили мы Ригу, и пустились по Московскому тракту. Путешественникъ, проѣзжающій изъ Петербурга чрезъ Ригу и Митаву за границу, или ѣдущій изъ-за границы въ Петербургъ, получить самое невыгодное понятіе о Лифляндіи. Глубокіе пески, каменистая почва, тощія нивы, рѣдкое населеніе, бѣдныя села, и на извѣстномъ разстояніи города, не представляющіе ни изящества въ построеніи, ни богатства въ промышленной дѣятельности, должны необходимо произвести на него самое непріятное впечатлѣніе. Такъ было и со мною въ проѣздъ нашъ отъ Пскова до Риги.

Совсѣмъ другія соображенія родились во мнѣ
№ 47.

во время проѣзда нашего по полуденному краю Лифляндіи, при взглядѣ на При-Двинскія земли. Искренно чту память Мейнгарда и Алберта, умѣвшихъ указать мѣсто для основанія Риги, и избравшихъ берега Двины мѣстами своихъ благочестивыхъ и воинственныхъ дѣйствованій. Западная Двина можетъ по справедливости считаться историческою рѣкою, и страны, къ ней прилежащія, классическими землями Россійско-Германскаго рыцарства; а природа этихъ странъ истинно романтическая, живописная по множеству прелестныхъ видовъ, раскиданныхъ вдоль теченія Двины, начиная отъ Риги до Крейцбурга. По берегамъ Двины стоятъ доселѣ уцѣлѣвшіе остатки рыцарскихъ замковъ, видны доселѣ слѣды прошедшей мощности и славы феодаловъ, Ливонскихъ шварцгейптеровъ, швердттрегаровъ, державшихъ въ одной рукѣ мечъ для пораженія здѣшнихъ аборигеновъ, въ другой крестъ для водруженія его въ землѣ невѣрныхъ, тогда еще не озаренныхъ ученіемъ Христовымъ.

Ливонскіе рыцари, одушевленные желаніемъ корыстей и стяжаній мірскихъ и чаяніемъ награды небесныхъ, лили потоки крови безпомощныхъ обитателей и были имъ столько же ненавистны, какъ феодалы западной Европы своимъ рабамъ; но кровь, пролитая Ливонцами, поглощена землею и смыта теченіемъ вѣковъ, а смена добра, ими посѣянная на увлажненной кровію

нивъ, принесли плодъ. Къ отрадѣ челоуѣчества, добро долговѣчнѣе зла. Ливонія, пережившая времена бѣдствій, давно уже благоденствуетъ въ слѣдствіе подвиговъ, совершенныхъ рыцарями, и новой жизни, имъ сюда внесенной. Слѣды этихъ подвиговъ и этой жизни видны по всему При-Двинью, или на пути отъ Риги къ Динабургу.

Въ 10 верстахъ отъ Риги лежитъ селеніе, примѣчательное нынѣ однимъ славнымъ своимъ именемъ, Иксуль, важное въ исторіи Ливоніи тѣмъ, что здѣсь создана была первая Христіанская церковь въ сей странѣ: ни малѣйшихъ остатковъ и слѣдовъ ея даже нѣтъ, но отъ нее, вѣроятно, получила свое названіе первая отъ Риги станція, Кирхгольмъ, послѣдняя скучная по глубокимъ пескамъ, здѣсь оканчивающимся.

Отъ Кирхгольма дорога перемѣняется разитель-но: горы, во многихъ мѣстахъ отвѣсно стоящія, холмы, покрытые кустарниками и лиственными деревьями, поля съ зеленѣющими нивами, привольные луга, крутоберегая, особенно со стороны Курляндской, Двина, плавно катящая свои воды, по временамъ теряющаяся изъ вида, и скоро снова выказывающаяся на необозримую даль, множество красивыхъ мызъ по берегамъ, даютъ необыкновенное разнообразіе дотолъ унылой природѣ, и представляютъ очаровательную картину взорамъ путешественниковъ. Долго и съ величайшимъ наслажденіемъ покоились и глаза и

вниманіе наши на одномъ изъ прекраснѣйшихъ мѣстоположеній: мы смотрѣли и не могли на-смотреться на видъ Двинскаго утесистаго берега, противулежащаго Фридрихштадту, городку ничтожному по составу своему. Постоянно отличная дорога, и живописные виды продолжаются отъ Кирхгольма чрезъ станціи Огеръ, Юнгфернгофъ и Ремерсгофъ: послѣдняя сопредѣльна съ одной стороны богатой мызъ барона Шульца, а съ другой примыкаетъ къ древней руинѣ какого-то замка. Отсюда Двина пропадаетъ для глазъ проѣзжающаго по большой дорогѣ на цѣлыя пятнадцать верстъ; и виды отъ того скуднѣе, и природа единообразнѣе и пустыннѣе. За четыре версты до Кокенгузена она является опять — и опять природа становится по прежнему прекрасна, болѣе прежняго величественна, дивна въ своихъ явленіяхъ.

Въ Кокенгузенѣ прибыли мы въ одиннадцать часовъ ночи. И среди темноты можно было, хотя и не ясно, различить что-то необыкновенное въ положеніи этого исторически славнаго мѣста.....

АРСЕНЬЕВЪ.